

Екатерина Кузнецова

Поэтика эго-документа в ранней лирике И.А. Бунина¹

Ekaterina Kuznetsova

The Poetics of the Ego-Document in Early Verse by Ivan Bunin

Екатерина Кузнецова (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, старший научный сотрудник лаборатории «Rossica: русская литература в международном контексте»; кандидат филологических наук) katkuz1@mail.ru.

Ключевые слова: поэтика И.А. Бунина, эго-документ, литературный дневник, лирика, русский модернизм

УДК: 821.161.1+82-1/-9+82-32+801.731
DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_276

Статья посвящена анализу особенностей авторского самовыражения в ранней лирике И.А. Бунина. В центре внимания находится ряд стихотворений, подчеркнута спроецированных на дневниковый жанр. Автор рассматривает художественные задачи подобной проекции и способы ее воплощения в поэтических текстах, прослеживает эволюцию «дневничности» в бунинской лирике, связи конкретных стихотворений со страницами реального дневника и размышляет над механизмом перехода нехудожественного текста в художественное произведение. В статье также анализируются связи поэтики эго-документа в ранней лирике И.А. Бунина с творчеством С.Я. Надсона, экспериментировавшего над внесением в поэзию черт лирического дневника.

Ekaterina Kuznetsova (PhD; Senior Researcher in the laboratory “Rossica: Russian Literature in the International Context”, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences) katkuz1@mail.ru.

Key words: poetics, Ivan Bunin, ego-document, literary diary, verse, Russian modernism

UDC: 821.161.1+82-1/-9+82-32+801.731
DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_276

This article is on the analysis of the distinguishing characteristics of Ivan Bunin's self-expression in his early verse. The focus is on a number of poems emphatically projected into the diary genre. The author examines the artistic tasks of such a projection and the ways it is implemented in poetic texts, traces the evolution of the diary quality in Bunin's verses and the connection of specific poems with the pages of his real diary, and reflects on the mechanism of the transformation of a non-artistic text into a work of art. The article also analyzes the genetic connections of the poetics of the ego-document in Bunin's early verses with the works of Semyon Nadson, who experimented with the introduction of lyrical diary features into poetry.

Эго-документы (письма, дневники, записные книжки, мемуары, автобиографии) представляют собой особый вид дискурса, которому свойственен ряд черт: автобиографический характер, установка на исповедальность, маркированно частный, личный характер сообщения, неприглаженность стиля, а порой и отход от норм литературного языка, письменная фиксация разговорной речи, ориентация на действительность, «на реально бывшее, а не творческий вымысел» [Бондарь 2013; Михеев 2007: 33; Жожикашвили 2003: 288–295; Кобрин 2003; Воронова 2003]. Для жанра дневника также характерно совпадение адресата и адресанта сообщения в одном лице (хотя порой конкретного адресата нет вообще или избирается другой адресат для возможности имита-

1 Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

ции диалога: друг, родственник, потомок и т. д.), подневная или более-менее регулярная фиксация текущих событий с установкой на синхронность, сиюминутность, анализ быстротечных состояний.

Художественные явления, эксплуатирующие «дневниковость» и ее основные признаки (документальность, интимность, синхронность, фрагментарность, литературную необработанность), по наблюдениям исследователей, начинают активно функционировать в прозе с XVIII века [Ромашкина 2016]. Но в конце XIX столетия появляются новые жанровые формы, что связано с тенденцией превращения бытового факта в литературный [Криволапова 2018]. Речь не о стопроцентно художественной литературе, просто эксплуатирующей форму дневника, а о некоторых промежуточных явлениях, которые получили позднее название «дневник писателя» [Богомолов 2016]. В качестве примера можно назвать «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского или фрагментарную прозу В.В. Розанова. Оба автора создают гибридные или синкретичные, дневниково-художественные формы, рассчитанные и на самовыражение, и на массового читателя, прибегающие к поэтике эго-документа, но предающиеся широкой огласке. И.Л. Волгин приводит некоторые весьма существенные черты «дневниковости», присущие прозе Розанова: «обрывочный», «случайный», «фрагментарный» характер записей, «текст дан в динамике — часто с указанием места и времени его возникновения» — все, как в «настоящем» дневнике» [Волгин 2009: 62—63]. По его мнению, дневниковая форма у Розанова и Достоевского «не более чем литературная условность, позволяющая авторам решать сутобо художественные задачи» [Там же: 63]. К «условно дневниковому жанру» произведения Розанова («Уединенное», «Опавшие листья») относит и В.А. Келдыш, имея в виду их стилизаторский характер, исключая жанровую «чистоту» [Келдыш 2009]. С вышеприведенными суждениями согласна Е.М. Криволапова, которая считает Розанова создателем нового жанра, это дневник внутренней, мыслительной, а не внешне-событийной жизни личности [Криволапова 2012].

Итак, форма полухудожественного, или олитературенного дневника в конце XIX — начале XX века приобретает все большую популярность у писателей, которые экспериментируют с разными приемами эго-документальности в литературе, оттачивают в жанре дневника новые прозаические стили, приемы критики, жизнетворческие модели, обсуждают написанное в узком кругу ценителей, поэтому *литературный дневник* отличается большей упорядоченностью, структурированностью и шлифовкой письменной речи, а также не исключает или даже предполагает возможность опубликования и прочтения его другими людьми [Богомолов 1990; Рабенко 2018]. Это дискурс, обращенный к самому себе, но допускающий и других в свой внутренний мир. Диффузная, синкретичная форма такого жанрового образования не относится уже к эго-документам в строгом смысле слова, но теснейшим образом с ними связана. Характерна она и для Ивана Бунина, который много лет вел и самый настоящий личный дневник, а значит, был хорошо знаком с этим литературным жанром [Устами Буниных 1977—1982; Федотова 2010]. Широко известно его произведение «Окаянные дни», которое представляет собой художественно обработанный дневник революционных лет.

Но развивать способы создания иллюзии дневника для решения творческих задач писатель начал намного раньше, еще в юности, и испытал их сначала в поэзии, а потом уже в прозе. В 1880—1890-х годах он создает ряд стихотворений, в заголовочном комплексе которых указывает, что это тек-

сты, имеющие отношение к жанрам дневника или записной книжки, которые в данном случае являются контекстуальными синонимами: «Из записной книжки» (1887); миницикл из двух стихотворений «Листки из дневника» (1888); стихотворение «Последние дни» с подзаголовком «Отрывки из дневника» (1891); стихотворение «Из дневника» (1901). Отдельно следует сказать еще о цикле «Отрывки» 1890 года, состоящем из четырех фрагментов. По ряду признаков его также можно отнести к «дневниковым» стихотворениям. В этом цикле последовательно описываются четыре временных промежутка в течение одних суток: сумерки, поздний вечер, ночь и новый день, а также фиксируются изменения в природе, в мыслях и в настроении лирического героя. Подобная отрывочная фиксация сиюминутных событий, монтажная композиция, «ассоциативно сложившиеся ряды номинативных предложений, передающих запечатленную в сознании картину дня», характерны для эго-документов, по мнению С.В. Рудзиевской [Рудзиевская 2002: 15].

Все вышеперечисленные произведения, помимо заглавия, обладают рядом художественных особенностей, отражающих их генетическую связь с жанрами эго-документальной литературы. Например, в стихотворении Бунина «Из дневника» представлена речевая ситуация и бытовая обстановка, характерная для ведения дневниковых записей: лирический герой находится в одиночестве в своей комнате у окна, предаётся размышлениям и описывает облака и небо, предстающие перед его взором, потом переносится мыслью в старый усадебный парк, бродит в воображении по знакомым аллеям. Далее читатель узнает целую историю из жизни героя: болезненный разрыв с любимой, ушедшие безвозвратно счастливые дни любви, нынешнее одиночество. Завершается все стихотворение рассуждениями о жизни, о прошлом и настоящем, о времени и о смерти:

В окно я вижу груды облаков,
Холодных, белоснежных, как зимою,
И яркость неба влажно-голубого. <...>
Бушует ветер... Двери на балконе
Уже давно заклеены к зиме,
Двойные рамы, топленные печи —
Все охраняет старый дом стужи... <...>

И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тех аллей, среди берез гудящих,
Под холодом и ветром я скитался,
Пытаясь к одиночеству привыкнуть,
Забывать тебя, унять тоску разлуки,
Пока в тоске душа не истомилась,
Пока недуг тоски не поборол...
Теперь я отдыхаю. Одиноко
Проходят дни, но горе миновало. <...>

Я часто вспоминаю осень юга... <...>
И жадно ловим ветер. Вольно веет
Он бодростью и свежестью морской;
Срывая брызги с бурного прибоя,
Он влажной пылью воздух наполняет
И снежных чаек носит над волнами. <...>

Все это сном мне кажется теперь. <...>
Зачем смущать себя бесплодной думой,
Что мы живем не счастьем, а надеждой
На это счастье, — что никто не знает,
К чему все наши радости и скорби,
Когда нас ждет забвение, ничто?
Умру — и все ж останусь в этом мире,
Как часть его великой, вечной жизни,
И пусть пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается в печали,
Пусть познает, что и печаль, и радость
Равно прекрасны в вечной жажде — жить!

[Бунин 2014а: 235–236]

Бросается в глаза повествовательная интонация этого произведения, которая реализуется в астрофичной форме организации текста и в обращении к белому пятистопному ямбу, свойственному драматическим произведениям и предающему ощутимую эпичность всему изложению. Точнее, стихотворение разделено на четыре тематических отрывка (осенний день в старом доме, воспоминания о событиях любовной драмы и о счастливых днях на юге, философское заключение) длиной от 17 до 22 строк, которые тем не менее не соотносятся ни с каким видом строгой строфической формы. Следует также отметить, что на протяжении всего текста конец строки часто не совпадает с концом синтаксической единицы (предложения или его смысловой части), что способствует передаче свободного течения мыслей, воспоминаний и их речевой фиксации. Композиционно схожим образом выстроен миницикл «Листки из дневника»: простое описание погодных явлений, окружающей обстановки и времени года приводит к раздумьям о потерянной любви и человеческом одиночестве.

Движение лирического сюжета стихотворения «Из дневника», с одной стороны, повторяет стандартное развитие микросюжета дневниковой записи (констатация собственных мыслей, эмоций, текущих наблюдений и событий личной жизни). Но с другой стороны, читатель может реконструировать жизненную историю, целый неудачный любовный роман и, по сути, перед нами свернутый рассказ о любви. При этом финальная часть стихотворения представляет собой образец жанра философской лирики. Именно появляющаяся в данном стихотворении ретроспекция выдает авторскую жанровую фальсификацию, так как ретроспективность настоящему дневнику в большинстве случаев не свойственна [Шикин 1987: 98]. Следует отметить, что проникновение эпичности в лирику и лиризма в эпiku составляет характерную черту бунинского творчества. Например, известное и любимое самим автором стихотворение «Одиночество» (1903) является таким же рассказом в миниатюре и так же повествует (с еще более явной разговорной интонацией) о крахе любви и душевной ране. Таким образом, возникновение оценивающей ретроспективной авторской позиции превращает дневниковый дискурс в художественный, а фрагментарную запись — в рассказ в стихах. А.А. Зализняк указывает на еще один важный признак дневника, от которого Бунин отходит в данном стихотворении, — отсутствие единого, выстраивающего повествование замысла [Зализняк 2006: 173]. В его лирических произведениях, содержащих отсылки

к дневниковому дискурсу, постоянно присутствуют временные скачки от «сейчас» к «тогда», от прошлого к настоящему и обратно, что демонстрирует наличие авторского замысла — собирание единой причинно-следственной и ценностной канвы своей жизни.

Но если говорить о строфическом и метрическом оформлении поэтического текста, то другое стихотворение Бунина, «Последние дни», наиболее близко к рассмотренному произведению. Совпадает обращение к астрофичной форме и белому стиху, только теперь это еще более длинный, протяженный шестистопный ямб. При этом с помощью пробелов единый словесный поток разделен автором на шесть фрагментов длиной от 4 до 11 строк, которые отражают движение мысли и настроения лирического героя. Фрагментарность, отрывочность, сиюминутность идейно-образного содержания стихотворения маркируются также большим количеством многоточий, расположенных в начале и в конце строк:

...Сегодня в первый раз один брожу в аллее...
 Сегодня в первый раз подумать мне пришлось,
 Что счастье наших дней и светлые мгновенья
 Мы не умели, может быть, ценить...
 <...>
 Минувшая весна, минувшая любовь
 Тогда вдвойне милей и поэтичней
 Мне кажутся... Как будто даль зовет
 И тихую печаль мне навевает...
 И долго я стою, безмолвием объятый,
 И долго предо мной безмолвствуют поля,
 И теплый светлый день, и редкий лес пахучий...

[Бунин 2014а: 137–138]

Стихотворения «Из дневника» и «Последние дни» посвящены тяжелому роману с Варварой Пащенко и имеют реальную биографическую основу (перипетии этой любовной трагедии отразились на страницах писем И.А. Бунина к его брату Юлию, а все дневниковые записи этих лет не сохранились и, по всей видимости, были автором уничтожены²). Переживание превратностей первой серьезной любви провоцировало у молодого поэта обращение к поэтике дневникового жанра и, возможно, проанализированные стихотворения в поэтической форме перерабатывали какие-то реальные дневниковые страницы, которыми мы сейчас не располагаем. Тем не менее перед нами не подлинные отрывки из дневника, а художественные произведения, адресованные широкому читателю. Поэтому можно говорить о том, что признаки эго-документа в них представляют собой *художественный прием*, нацеленный на создание определенного впечатления жизненности, сокровенности описанной любовной

2 В период драматического романа с В.В. Пащенко И.А. Бунин мог вести дневник, а затем уничтожить его после крайне тяжелого разрыва. Однако в это время он мог и не вести регулярно дневник, а записывать только некоторые свои впечатления. Например, сохранились отдельные записи за 1893 и 1894 годы. Наличие этих отрывочных записей может говорить о том, что начинающий писатель все-таки вел дневник в этот период, но сохранил только эти отрывки. На наличие дневниковой основы указывают также названия стихотворений, созданных в этот период: «Из дневника» и «Последние дни. Отрывки из дневника».

драмы. Некоторые из вышеперечисленных текстов были обнародованы, но они не потеряли своей интимности, не перестали быть *текстами для себя*, предназначенными для психотерапии душевной раны.

Отметим в этом плане, что некоторые «дневниковые» стихотворения практически не публиковались. Например, «Листки из дневника» и «Из записной книжки» не входили в прижизненные авторские издания стихотворения. Оба стихотворения печатались один раз в журнале «Родина» в 1887—1888 годах и больше не переиздавались. Возможно, статус этих произведений менялся для самого Бунина, и со временем на первый план вышла их биографическая основа, он стал воспринимать их скорее как личные эго-документы своей молодости, нежели как художественные тексты. И причина этого, на наш взгляд, не только в художественной незрелости ранней лирики поэта, но и в ее отчетливом исповедально-биографическом характере, от которого он позже начинает последовательно избавляться. В доказательство приведем более позднюю оценку И. А. Бунина своего первого поэтического сборника «Стихотворения 1887—1891 гг.» (Орел, 1891): «...Издан первую книжку стихов, чисто юношеских, не в меру интимных» [Бунин 1988: 552].

Поразительным примером тесной связи анализируемой группы стихотворений с эго-документальным дискурсом является стихотворение «Из записной книжки» 1887 года, которое почти дословно, но только в стихотворной форме, повторяет содержание одной бунинской дневниковой записи тех лет, которая чудом сохранилась. Прочитаем сначала стихотворение:

<...>
*Не хочется спать!.. Я в молчании ночи
 Рассвета дождусь... Мне мерещатся вновь
 И русые кудри, и женские очи,
 А в сердце опять — и печаль, и любовь!
 Я радостно чую свое пробужденье, —
 Мне тяжело дремать, холодея душой!..
 Теперь я хочу пережить треволненья,
 Чтоб жить, — не томиться бесплодной тоской.*

*За слово привета, за добрые речи,
 Согретые жаром горячей любви,
 За лунные ночи и тайные встречи
 Забуду печали и скорби мои!
 Те скорби мне сердце вконец истомили,
 Томила нужда беспросветной тоской,
 В душе молодой все порывы застыли,
 И жаждал я счастья до боли порой!..*

[Бунин 2014б]³

Сравним с дневниковой записью пятнадцатилетнего Бунина:

«29-го декабря (1885 г.) Сегодня вечер у тетки. На нем наверно будут из Васильевского, в том числе гуверн[антка], в которую я влюблен не на шутку. <...> Она моя! Она меня любит! О! С каким сладостным чувством я взял ее ручку и прижал

3 Здесь и далее курсив в цитатах мой. — Е.К.

к своим губам! Она положила мне головку на плечо, обвила мою шею своими ручками и я запечатлел на ее губках первый, *горячий поцелуй!*.. Да! пиша эти строки, я *дрожу от упоенья!* от *горячей первой любви!*.. <...> Остальное время вечера я был как в тумане. Сладкое, пылкое чувство было в душе моей. Ее *милые глазки* смотрели на меня теперь нежно, открыто. В этих *очах* можно было читать любовь. <...>

Наконец я лег спать, но долго *не мог заснуть*. В голове носились *образы, звуки...* *пробовал стихи писать*, — звуки путались и ничего не выходило... передать все я не мог, сил не хватало, да и вообще всегда, когда сердце переполнено, стихи не клеятся. Кажется, что написал бы бог знает что, а возьмешь перо и становишься в тупик... Сoglасившись наконец с Лермонтовым, что всех чувств значенья «стихом размерным и словом ледяным не передашь», я погасил свечу и лег. Полная *луна* светила в окно, ночь была морозная, судя по узорам окна. Мягкий бледный *свет луны* заглядывал в окно и ложился бледной полосой на полу. Тишина была немая... Я все еще не спал... Порой на луну, должно быть, набегали облачка и в комнате становилось темней. В памяти у меня пробежало прошлое. Почему-то мне вдруг вспомнилась давно, давно, когда я еще был лет пяти, *ночь летняя, свежая и лунная...* Я был тогда в саду... И снова все перемешалось... Я глядел в угол. *Луна* по-прежнему бросала свой мягкий свет... [Бунин 1988: 331].

В дневнике писателя 1885 года говорится о влюбленности в гувернантку Э.В. Фехнер, а в стихотворении 1887 года, возможно, отразилось также увлечение А.В. Резвой, которой посвящены другие три стихотворения 1887 года, сохранившиеся в юношеских рукописных поэтических тетрадах Бунина [Литературное наследство 1973: 247, 251]. Не исключено слияние этих ситуаций в один психологический комплекс влюбленности и наложения реалий и художественных деталей одного эпизода на другой. Э.В. Фехнер под влиянием нахлынувших воспоминаний может быть также героиней стихотворения «Из записной книжки». Порывы, восторги и упоения юношеской любви, выраженные в дневнике сумбурно и многословно, в стихотворении обретают более строгую и отточенную форму, хотя оно еще поэтически незрелое, немного наивное и безыскусное. Данный переход дневниковой записи в стихотворный текст подтверждает наблюдения М. Михеева о свободном перетекании документальной литературы в художественную и о промежуточном характере любой дневниковой записи: «Это *почти-текст, недо-текст, около-текст, или пред-литература* — уже теряющая невинность и безответственность спонтанной речи, но и не приобретающая законченности, окончательности, выверенности собственно текста» [Михеев 2007: 75]. Исследователь вводит термин «*пред-текст*» для подобных фрагментарных, неорганизованных дневниковых записей, отмечая, что в литературной мастерской писателя они зачастую становятся черновиками для позднейших художественных произведений [Там же: 114].

Совпадают в двух приведенных текстах описания тайных жарких встреч с возлюбленной («согретые жаром горячей любви» — «от горячей первой любви»), ночная бессонница от волнений, наплыв образов и впечатлений, упоение волшебством лунной ночи. Если в дневнике юноша Бунин переносится мыслью от зимней ночи к одной из летних лунных ночей своего детства, то и стихотворение «Из записной книжки» начинается описанием летней лунной ночи: «Но летняя ночь коротка — заалет / Край неба опять и умчится она, / Едва только запад потухнуть успеет / И в небе взойдет молодая луна...» [Бунин

2014б: 203]. Таким образом, приведенный стихотворный текст, на наш взгляд, представляет собой все же свершившуюся попытку передать стихами мысли и чувства той памятной ночи (или ряда ночей, озаренных глубоким душевным волнением), и, возможно, его появление вызвано перечитыванием записной книжки, что и нашло отражение в заглавии. Стихотворение, в отличие от дневника, уже суммированный, обобщенный жизненный опыт, пропущенный через более строгую эстетическую призму (лаконизм, отсутствие повторов, сбивчивости изложения, элементы ретроспекции), но при этом оно сохраняет важные особенности породившего его дискурса: речевая ситуация «разговора с самим собой», непосредственность высказываний, повествовательная интонация, отсутствие тропов и риторических приемов, кроме некоторых трафаретных поэтизмов («жар любви», «беспросветная тоска» и т. д.).

Ранняя лирика Бунина в целом характеризуется прямоотой авторского самовыражения, узнаваемыми параллелями с его биографией, образом жизни, социальным статусом. Лирический герой наиболее близок к реальному автору, не затушеван масками, мифопоэтическими или литературными аллюзиями. Особенно это проявляется в вышеназванных стихотворениях, в которых преобладают личные формы глагола и местоимения первого лица: «...Сегодня в первый раз брожу в аллее...», «Люблю бродить я и вздыхать...», «Уснуть бы мне теперь, чтоб тихий сумрак ночи...», «Я долго тебя поджидал на дороге...», «Я радостно чую свое пробужденье...», «В окно я вижу груды облаков» и т. д. Безусловно, лиризм, душевная открытость, рефлексия характерны как для лирической пьесы в целом, так и для личного дневника, поэтому и возможно скрещивание этих жанров. Порой лирические стихотворения у разных авторов даже безо всякого «говорящего» заголовка похожи на рифмованные и метрически оформленные дневниковые записи, но выбор заглавий для вышеназванных бунинских текстов подчеркивает их взаимосвязь с эго-документами и не оставляет сомнений в сознательности обращения автора к их поэтике⁴.

После 1901 года Бунин старается не впускать читателя в свой личный мир, рассуждая в поэзии о вечных вопросах: божественном бытии, непреходящих жизненных ценностях, истории человечества. Поэтому в начале XX века стихотворений, которые содержали бы в заглавии слова «дневник» или «записная книжка», больше не встречается. Однако Бунин продолжает переделывать в стихотворения некоторые свои дневниковые записи, используя их как предварительные наброски, зарисовки. Например, Т.М. Двинятина проследила возникновение важнейшего для зрелого Бунина стихотворения «Петух на церковном кресте» из дневниковой записи от 20 сентября / 3 октября 1922 года [Двинятина 2014а: 466]. Это вполне закономерно, так как меняется и субъектно-объектная организация его поэзии, намечается отход от лиризма к объективиз-

4 Под поэтикой эго-документа мы понимаем определенные формальные и содержательные признаки, характерные для эго-документального дискурса: образ «откровенного автора», близость этого облика в произведении к характеру и обстоятельствам жизни автора биографического, фрагментарность, интимность, синхронность (описание эмоционального настроения, места и времени по принципу «здесь и сейчас»), повествовательность, событийность и соотносительность фактов внутренней, психической и внешней, бытовой жизни, минимальное количество тропов, а также отсутствие каких-либо художественных приемов, затрудняющих восприятие авторской исповеди.

му, стремление к передаче не личного, а обобщенного опыта. Бунин отказывается от установки на исповедальность и начинает тяготеть к абстрактному «я», не лично-авторскому, а общечеловеческому, «я»-конструкции заменяются на безличные обороты, выражающие не индивидуальное мнение, а некие абсолютные априорные истины. Но исповедальная интенция и непосредственное авторское самовыражение не исчезают из бунинского творчества, а переходят в прозу и находят свое воплощение в лирических миниатюрах, бессюжетных рассказах и рассказах-фрагментах. Эту потребность прямого разговора с читателем и стремление освободиться от фабульности и героев, а по сути приблизиться к формату дневниковой записи, отмечает Ю. Мальцев в прозе Бунина 1900-х годов: «“Я”, о котором повествовалось, сливалось у него с “я” повествующим, а “я” повествующее сливалось с “я” авторским. В этой открытой и серьезной исповедальности искусства он видел спасение не только от фальши и условности, но и от времени, от забвения, от смерти» [Мальцев 1994: 105]. Исследователь видит взаимосвязь зрелых бунинских прозаических миниатюр с «Опавшими листьями» Розанова и связывает их художественные особенности с общим кризисом традиционных литературных форм [Там же: 103—105]. А сам писатель зафиксировал в феврале 1916 года в своем дневнике мысль о том, что «дневник одна из самых прекрасных литературных форм», и «в недалеком будущем эта форма вытеснит все прошлые» [Устами Буниных 1977—1982 I: 149].

Но вернемся к лирике. Помимо самих стихотворений, копирующих форму и содержание эго-документа, дневниковый характер ранней бунинской поэзии проявляется и в самом *принципе построения ранних поэтических книг*. Например, проанализируем, как составлен поэтический сборник «Под открытым небом» 1898 года. Вся книга состоит из 31 стихотворения, которые хоть и фрагментарно, но последовательно, без хронологических сбоев, фиксируют временное движение на протяжении полутора лет. За точку отсчета берется лето, потом следует осень, зима, весна, снова лето, осень и зима. В результате перед читателем оказывается лирический дневник, в котором отражена смена впечатлений, жизненных событий (бытовых фактов) и настроения лирического героя, сопряженная с течением времени. Соответствующие иллюстрации (пейзажные заставки) в оформлении книги и названия стихотворений поддерживают иллюзию дневника: «В феврале», «Весенняя сказка», «Летнее утро», «Начало осени», «Октябрьский рассвет», «Осенняя ночь», «Первый снег» [Бунин 1898]. Описанное в каждом стихотворении событие, как правило, сиюминутно, фиксируются мимолетные жизненные впечатления и изменчивые состояния природы. Если в лирическом сюжете и присутствует изредка мысленное возвращение в прошлое, то оно всегда сопоставляется с настоящим моментом.

Сам поэт в одном позднем любопытном стихотворении подтвердил дневниково-интимный характер своих первых лирических опытов, их связь с юношескими дневниковыми записями. Речь идет об осеннем стихотворении 1923 года «Опять холодные седые небеса...». Перед нами один из редких примеров исповедальной ноты в составе итогового сборника «Избранные стихи» 1929 года:

«Опять холодные пустые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса
И тройка у крыльца и слуги на пороге...»

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

[Бунин 2014б: 194]

Особая интимность возникает в тексте за счет создания в первом четверостишии иллюзии отрывка из дневника, которая подтверждается во втором четверостишии словами «старая наивная тетрадь». При первой публикации в «Русской газете» в 1924 году (14 декабря, №199, Париж) стихотворение так и называлось — «Старая тетрадь» [Двинятина 2014а: 467], и подобное заглавие, указывающее на источник происхождения произведения, позволяет включить этот текст в круг «дневниковых» стихотворений, рассмотренных ранее. Вслед за первыми закавыченными строками под влиянием искреннего и открытого читателю образа повествователя, свойственного этому жанру, прорывается прямая речь автора, обозначенная тире в начале строки (редкий для Бунина прием). Стихотворение имеет биографический подтекст: указание на уже немолодой возраст лирического героя («в те года») и на утраченный им образ жизни русского помещика («тройка у крыльца», «слуги на пороге»). Т.М. Двинятина высказала интересное предположение, что вышеприведенная одна из последних лирических пьес Бунина является эхом его самого первого дошедшего до нас юношеского осеннего стихотворения 1883 года, описывающего его отъезд из родного дома в Елец на учебу в гимназию и никогда не публиковавшегося при жизни автора [Двинятина 2015: 231—232]:

Клубился туман над землею
Густою, густой пеленой,
Когда я поутру зарею
О[зёрки] оставил с тоской.

И северный ветер холодный
В лицо мне порывисто бил,
Когда я, закрывшись шинелью,
Оставил все то, что любил.

[Бунин 2014б: 199]

Исследовательница также отмечает, что в 1920-х годах Бунин осознал цикличность своей поэзии и внутренние переключки произведений не только одного года, но и разных десятилетий. Он начинает сознательно обращаться к *автоцитации*, в ряде стихотворений она становится почти дословной [Двинятина 2015: 231—232]. Действительно, словно прочитав в юношеской тетради одно из своих первых стихотворений, немолодой поэт создает одно из последних. Но о какой тетради может идти речь? Т.Г. Динесман в статье «По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина» указывает, что в юности, во время жизни в Озёрках после ухода из гимназии, будущий знаменитый писатель создавал особые рукописные тетради, которые представляли собой самодельные записные книжки:

Все, что выходило в те годы из-под его пера, тщательно переписывалось в сшитые собственными руками тетради; заглавия их («Опыты», «Сочинения стихотворные») заимствованы с обложек тех «чудеснейших томиков» со стихами «поэтов

державинских и пушкинских времен», за чтением которых Бунин провел первую зиму после возвращения из гимназии [Динесман 1973: 121].

Говоря о ранних юношеских поэтических тетрадах начинающего писателя, можно упомянуть сохранившиеся в архивах первую (1886)⁵, вторую (1886—1887)⁶ и третью (1887) тетради⁷. Остальные юношеские стихотворения в ОГЛИМТ сохранились на отдельных листах из утраченных тетрадей [Описание материалов... 1979: 11—27]. Еще одна юношеская тетрадь И.А. Бунина под заглавием «Опыты. Стихотворения Ивана Алексеевича Бунина» находилась в собрании писателя В.Г. Лидина, сейчас она хранится в РГАЛИ в его личном фонде⁸. Известны еще две более поздние рукописные тетради (1915—1917 и 1943 годов), которые уже не имеют отношения к данному периоду, но к одной из них мы далее все же обратимся [Двинятина 2014б: 374—375]. Таким образом, «старая наивная тетрадь» может быть отсылкой к тем ранним рукописным тетрадам, которые исследовала Т.Г. Динесман, или к подобным рукописям, которые были увезены Буниным в эмиграцию. Вероятно, они время от времени перечитывались, в частности использовались для переработки и редактирования ранней лирики при подготовке полного собрания его сочинений, выпущенного издательством «Петрополис» в 1934—1936 годах⁹. Публикация в 1924 году стихотворения «Старая тетрадь» также говорит о перечитывании писателем своего архива уже в эмиграции.

Т.Г. Динесман указала на то, что тяготение к поэтике эго-документа в раннем творчестве Бунина связано с влиянием поэзии С.Я. Надсона: «Бунин пытается войти в поэтический мир Надсона, пережить его чувства, мыслить его образами, говорить его языком. В бунинской тетради появляются стихи «Из записной книжки» (№ 34), повторяющие излюбленный жанр Надсона (“Из дневника”))» [Динесман 1973: 125]. В частности, исследовательница пишет о стихотворении «Листки из дневника», которое несет в себе отличительные черты надсоновских тем и интонации: «Как измучился я, как от дум изнемог, / Как устал от бессонных ночей! / Но никто не понял этих дум и тревог / Под улыбкой обычной моей... / Тяжело мне писать, рассказать мне невмочь, / Как душа молодая болит; / А в открытые окна весенняя ночь / С тихой лаской безмолвно глядит» (цит. по: [Там же: 125]). Мотивы печали, тоски, усталости, одиночества и разочарования в этом тексте берут свое начало не только в личном опыте автора, но и в поэзии старшего современника, в которой они проявились с исключительной силой. Исследовательница выделяет целый цикл «надсоновских» лирических текстов, написанных в 1887 году, когда Бунин был особенно впечатлен его творчеством (в этот год вышло посмертное издание стихотворений поэта, ставшее литературным событием) и даже выступил в печати со стихотворением «Над могилой С.Я. Надсона», отмечая, что после 1887 года

-
- 5 ОГЛИМТ (Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева). Ф. 14. № 982 оф. Л. 1—27.
  - 6 Там же. № 974 оф. Л. 1—22.
  - 7 Там же. № 983 оф. Л. 1—11.
  - 8 РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 27.
  - 9 Первый том данного собрания сочинений содержит лирические произведения И.А. Бунина, в том числе ранние, начиная с 1888 года, и их редакции отличаются от предыдущих публикаций.

молодой поэт освобождается от этого влияния [Там же: 126]. К типично «надсоновским» стихотворениям Т. М. Двинятина вслед за Т. Г. Динесман относит: «Пошли, о Боже! — новой силы...», «Поэту», «Кто испытал и тоску, и мученья...», «Перед разлукой», «При разлуке», «Листки из дневника (I—II)», «Отрадно сознавать, что в жизни есть мгновенья...» [Двинятина 2014а: 468]. Безусловно, Бунин находит свои оригинальные темы и интонации в лирике, однако, на наш взгляд, творчество безвременно умершего старшего современника оказало на начинающего поэта более сильное воздействие и оставило заметный след в его собственной поэзии не только конца 1880-х, но и 1890-х годов. Это влияние проявляется в виде заметной повествовательности, печально-интимной интонации, тогда как гражданские мотивы надсоновской поэзии никогда не вызывали бунинского интереса.

Надсон активно внедрял в лирику 1880-х годов поэтику эго-документа, в частности исповедальность, формы письма или отрывка из дневника. Четыре его стихотворения имеют одинаковый заголовок «Из дневника», четыре стихотворения озаглавлены «Отрывок» и два из них по другим признакам (событийность, интимность, биографичность) можно интерпретировать как отрывки из дневника или письма. Одно из этих стихотворений с названием «Отрывок» имеет подзаголовок «Из письма к М. В. Ватсон», а другое произведение с этим же заголовком описывает типичную дневниковую ситуацию наступления ночи и вечерних размышлений, рефлексии над прошедшим днем. Также можно отметить три стихотворения Надсона в жанре письма: «Письмо», «Последнее письмо», «Я вам пишу, хотя тревожно», а также шесть произведений поэта, которые начинаются со слов «сегодня» и «сегодняшняя», что также является характерным зачином для стилистики ведения ежедневных записей [Надсон 1962]. Н. А. Богомоллов пишет о тесной внутренней связи формы письма с дневниковой записью, о возможности совмещения их функций и о существовании примеров дневников в виде писем на рубеже XIX—XX веков [Богомоллов 2008]. На наш взгляд, подобные приемы и обозначения нужны были Надсону для создания образа дневникового «я», представления о предельно откровенном авторе, который не стесняясь впускает читателя в свой внутренний мир и тесный круг избранных друзей. Вел Надсон и настоящий дневник, который, по его собственному свидетельству, не только был разговором с самим собой, но и предназначался для чтения третьим лицам (например, его собственной тете или матери девушки, в которую он был влюблен) [Надсон 1912].

Исследователи надсоновской поэзии справедливо указывают, что для нее характерно большое количество клишированных, устойчивых поэтизмов, традиционных слов-сигналов и оборотов, тематическая узость и кодифицированность [Безменова 2017; Павельева 2009]. Но задушевная интонация, обилие форм личного местоимения «я» и глаголов в личной форме, маркеры дневникового или эпистолярного жанра в заголовках, — все это преобразовывало условно-поэтическую лексику, приспособлявало ее для выражения субъективно-авторских чувств и переживаний. Именно в этом, на наш взгляд, секрет невероятной популярности Надсона у поколения конца 1880-х — начала 1890-х годов. У читателя его посмертного сборника стихотворений создавалось впечатление, что они читают не просто стихи, а личный дневник, ведение которого оборвалось одновременно с жизнью автора.

Эту манеру старательно копирует молодой Бунин, создавая аналоги форм дневникового дискурса как в виде отдельных стихотворений или небольших

циклов, так и в виде печатных сборников. Но столь же старательно зрелый Бунин освобождается от поэтики эго-документа в своей лирике, уходит от дневникового образа откровенно-простодушного автора, прячет свое «я» и в этом идет наперекор магистральным тенденциям лирики начала XX века. З.Н. Гиппиус писала по поводу зрелой лирики поэта: «Во всяком случае, у нас в данную минуту нет художника, равного Бунину по умению так последовательно, под такими целомудренно длинными одеждами скрывать себя — в своем» [Гиппиус 1912]. Галина Кузнецова, размышляя над лирикой Бунина, пришла к схожим с Гиппиус выводам, что «непопулярность его стихов — в их отвлеченности и скрытности, прятании себя за некой завесой, чего не любит рядовой читатель, ищущий в поэзии прежде всего обнаженья души» [Кузнецова 2006: 420]. Сам Бунин высказал в стихотворении «Завеса» (1912) нежелание пускать кого-либо в свою душу, то есть создавать интимную лирику:

<...>

И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я *утаил*. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он сам нас разделил завесой своей.

[Бунин 2014б: 91]

Таким образом, зрелый период поэтического творчества Бунина отчетливо противопоставлен его раннему периоду по отношению к дневниковой прямоте и откровенности. Исключением становятся лишь поэтические произведения 1915—1917 годов, составившие так называемую поэтическую «Глотовскую тетрадь», которую с определенными оговорками можно назвать *литературным дневником*. Заполнявшаяся с февраля 1915-го по конец сентября 1917-го года, она содержит черновые и беловые с правкой автографы 107 стихотворений, дающие отчетливое представление и о характере бунинской работы над своими текстами, и о данном периоде его жизни. Большинство (70) стихотворений в ней было записано в 1916 году [Двинятина 2015: 123—128; 2014б: 374]. Не все они исповедального свойства, среди них много сюжетных и ролевых стихотворений, но в ряде текстов поэт снова начинает говорить от первого лица и описывать свое душевное состояние и обстоятельства своего пребывания в охваченной революционными настроениями деревне с бытовыми подробностями: «Постепенно в 1916—1918 годах происходит перестройка художественной системы Бунина и на первый план снова, как в ранние годы, выходит прямое авторское высказывание» [Двинятина 2015: 127]. Обращение к форме поэтического дневника в этот раз вызвано исключительно драматическими событиями в жизни автора, ощущением надвигающейся катастрофы, затворничеством в усадьбе Глотово, прощанием с молодостью и всей прежней дворянской, усадебной культурой, которые исчезали под натиском исторических событий. Приведем важное для нас суждение Т.М. Двинятиной о наличии дневникового подтекста в произведениях «Глотовской тетради»: «Ряд стихотворений этих лет может быть прочитан как поэтический пролог “Окаянных дней”» [Там же: 123]. Как отдельная книга стихотворения «Глотовской тетради» не были изданы, но многие из них, а именно 50, вошли в сборник «Избранные стихотворения» 1929 года.

Подведем некоторые итоги. Под воздействием лирики С.Я. Надсона Бунин достаточно рано учится воспроизводить в поэзии дневниковые формы, соз-

давать иллюзию интимно-доверительного разговора с автором. Он экспериментирует со стихотворениями фрагментарного характера, которые кажутся вырванными из контекста какого-то большого личностного повествования. Иногда на это указывает многоточие в начале первой строки и в конце последней, как, например, в стихотворении «Последние дни. Отрывки из дневника». В этих произведениях преобладает установка на безыскусственность, прямоту высказывания, откровенность, в поэтическую ткань вплетены обороты и интонации разговорной речи, например: «Но нету сил уснуть», «Ты помнишь, что я говорил тебе?», «Не хочется спать» и т. д. Таким образом, поэтика эго-документа в ранней лирике Бунина проявляется на разных уровнях: семантика заглавия и наличие жанровых подзаголовков, повествовательность, эпичность, подбор лексики (разговорно-бытовой или нейтрально-литературный узус без обращения к поэтизмам высокого стиля или экзотизмам), фиксация характерных дневниковых речевых ситуаций (например, вечерние размышления и рефлексия над текущим днем, порой переходящая в воспоминания и философские размышления). Эго-документальный характер раннего периода творчества Бунина, его взаимосвязь с опытом ведения юношеских записей «для себя» проявляется и в отдельных поэтических текстах, созданных до 1901 года, и в хронологической композиции первых печатных сборников, создающей видимость лирического дневника. Однако несмотря на тщательное использование поэтики эго-документа, сравнение псевдодневниковых стихотворений Бунина с подлинными личными записями демонстрирует характерные отличия, присущие уже художественному тексту: общий замысел, идейно скрепляющий текст, временную дистанцию, лаконизм, отбор лексики и отсутствие синтаксического хаоса.

Библиография / References

- [Безменова 2017] — *Безменова Л.П.* Особенности поэтического стиля С.Я. Надсона // *Культура и цивилизация.* 2017. Т. 7. № 1А. С. 173—179.
- (*Bezmenova L.P.* Osobennosti poeticheskogo stilya S.Ya. Nadsona // *Kul'tura i tsivilizatsiya.* 2017. Vol. 7. № 1A. P. 173—179.)
- [Богомолов 2016] — *Богомолов Н.А.* Писательский дневник как тип повествования // *La poétique autobiographique à l'âge d'argent et au-delà.* Lyon: Centre d'études slaves André Lhironnelle (CESAL), 2016 / *Modernités russes* 16. P. 220—238.
- (*Bogomolov N.A.* Pisatel'skiy dnevnik kak tip povestvovaniya // *La poétique autobiographique à l'âge d'argent et au-delà.* Lyon: Centre d'études slaves André Lhironnelle (CESAL), 2016 / *Modernités russes* 16. P. 220—238.)
- [Богомолов 1990] — *Богомолов Н.А.* Дневники в русской культуре начала XX века // *Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения.* Рига: Зинатне, 1990. С. 148—158.
- (*Bogomolov N.A.* Dnevnik v russkoy kul'ture nachala XX veka // *Tynyanovskiy sbornik: Chetvertye Tynyanovskie chteniya.* Riga, 1990. P. 148—158.)
- [Богомолов 2008] — *Богомолов Н.А.* Письмо — дневник — устная новелла — проза в практике символистов: Вячеслав Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал // *Revue des études slaves.* 2008. Т. 79, fasc. 3. Entre les genres: l'écriture de l'intime dans la littérature russe, XIX—XX siècles. P. 349—360.
- (*Bogomolov N.A.* Pis'mo — dnevnik — ustnaya novella — proza v praktike simvolistov: Vyacheslav Ivanov i L.D. Zinov'eva-Annibal // *Revue des études slaves.* 2008. T. 79, fasc. 3. Entre les genres: l'écriture de l'intime dans la littérature russe, XIX—XX siècles. P. 349—360.)

- [Бондарь 2013] — *Бондарь И.А.* Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 6. С. 107—115.
- (*Bondar' I.A.* Ego-tekst i ego-dokument v literaturnom processe // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. 2013. № 6. P. 107—115.)
- [Бунин 2014а] — *Бунин И.А.* Стихотворения: В 2 т. Т. 1 / Сост., коммент. и вступ. ст. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом; Вита Нова, 2014.
- (*Bunin I.A.* Stikhotvoreniya: In 2 vols. Vol. 1 / Comp., comment. and introd. by T.M. Dvinyatina. Saint Petersburg, 2014.)
- [Бунин 2014б] — *Бунин И.А.* Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Сост., коммент. и вступ. ст. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом; Вита Нова, 2014.
- (*Bunin I.A.* Stikhotvoreniya: In 2 vols. Vol. 2 / Comp., comment. and introd. by T.M. Dvinyatina. Saint Petersburg, 2014.)
- [Бунин 1988] — *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статьи. М.: Художественная литература, 1988.
- (*Bunin I.A.* Sbranie sochineniy: in 6 vols. Vol. 6: Osvobozhdenie Tolstogo. O Chekhove. Vospominiyani. Dnevnik. Stat'i. Moscow, 1988.)
- [Бунин 1898] — *Бунин И.А.* Под открытым небом. М.: Изд. ред. журнала «Детское чтение», 1898.
- (*Bunin I.A.* Pod otkrytym nebot. Moscow, 1898.)
- [Волгин 2009] — *Волгин И.Л.* Метаморфозы личного жанра // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции (Москва. 2006. 29—31 мая). М.: РОССПЭН, 2009. С. 61—72.
- (*Volgin I.L.* Metamorfozy lichnogo zhanra // Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow. 2006. May 29—31). Moscow, 2009. P. 61—72.)
- [Воронова 2003] — *Воронова Н.Г.* Заметки о речевом жанре дневника. Культура и текст. 2003. № 10. С. 194—200.
- (*Voronova N.G.* Zametki o rechevom zhanre dnevnika. Kul'tura i tekst. 2003. № 10. P. 194—200.)
- [Гиппиус 1912] — *Гиппиус З.Н.* В целомудренных одеждах (К 25-летию литературной деятельности И.А. Бунина) // Солнце России. 1912. № 141 (42). С. 2.
- (*Gippius Z.N.* V tselomudrennykh odezhdakh (K 25-letiyu literaturnoy deyatelnosti I.A. Bunina) // Solntse Rossii. 1912. № 141 (42). P. 2.)
- [Двинятина 2014а] — *Двинятина Т.М.* Примечания // Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Сост., коммент. и вступ. ст. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом; Вита Нова, 2014.
- (*Dvinyatina T.M.* Primechaniya // Bunin I.A. Stikhotvoreniya: In 2 vols. Vol. 2 / Comp., comment. and introd. by T.M. Dvinyatina. Saint Petersburg, 2014.)
- [Двинятина 2014б] — *Двинятина Т.М.* Текстология поэзии И.А. Бунина // Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Сост., коммент. и вступ. ст. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом, Вита Нова, 2014. С. 371—419.
- (*Dvinyatina T.M.* Tekstologiya poezii I.A. Bunina // Bunin I.A. Stikhotvoreniya: In 2 vols. Vol. 2 / Comp., comment. and introd. by T.M. Dvinyatina. Saint Petersburg, 2014. P. 371—419.)
- [Двинятина 2015] — *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015.
- (*Dvinyatina T.M.* Poeziya I.A. Bunina. Evolyutsiya. Poetika. Tekstologiya. Dr. habil. thesis. Saint Petersburg, 2015.)
- [Динесман 1973] — *Динесман Т.Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 1973. Кн. 2. С. 121—128.
- (*Dinesman T.G.* Po stranitsam rannikh poeticheskikh tetradey Bunina // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Moscow, 1973. Bk. 2. P. 121—128.)
- [Жожикашвили 2003] — *Жожикашвили С.В.* Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи «Интелвак», 2003. С. 233.
- (*Zhozhikashvili S.V.* Dnevnik // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy. Moscow, 2003. P. 233.)
- [Зализняк 2006] — *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2006. № 106 (6). С. 162—180.
- (*Zaliznyak A.A.* Dnevnik: k opredeleniyu zhanra // Noye literaturnoe obozrenie. 2006. № 106 (6). P. 162—180.)
- [Келдыш 2009] — *Келдыш В.А.* Розанов и русская литература Серебряного века // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции (Москва. 2006. 29—31 мая). М.: РОССПЭН, 2009. С. 73—80.
- (*Keldysh V.A.* Rozanov i russkaya literatura Serebryanogo veka // Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow. 2006. May 29—31). Moscow, 2009. P. 73—80.)

- [Кобрин 2003] — *Кобрин К.* Похвала Дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288—295.
(*Kobrin K. Pokhvata Dnevniku // Novoe literaturnoe obozrenie.* 2003. № 61. P. 288—295.)
- [Криволапова 2018] — *Криволапова Е.М.* «Бытовой» и «литературный» факт в эстетическом сознании В.В. Розанова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). С. 51—57.
(*Krivozapova E.M. "Bytovoy" i "literaturnyy" fakt v esteticheskom soznanii V.V. Rozanova // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* 2018. № 1 (28). P. 51—57.)
- [Криволапова 2012] — *Криволапова Е.М.* Признаки «дневниковости» в произведениях В. Розанова «Опавшие листья» и «Уединенное» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 22—29.
(*Krivozapova E.M. Priznaki "dnevnikovosti" v proizvedeniyakh V. Rozanova "Opavshie list'ya" i "Uedinennoe" // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 2012. Vol. 1. № 4. P. 22—29.)
- [Кузнецова 2006] — *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник // Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. М.: Грифон, 2006.
(*Kuznetsova G.N. Grasskiy dnevnik // Bunin i Kuznetsova. Iskusstvo nevozmozhnogo. Dnevniky, pis'ma.* Moscow, 2006.)
- [Литературное наследство 1973] — Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 1973. Кн. 1.
(*Literaturnoe nasledstvo. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks.* Moscow, 1973. Bk. 1.)
- [Мальцев 1994] — *Мальцев Ю.* Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994.
(*Mal'tsev Yu. Ivan Bunin. Frankfurt am Main; Moscow,* 1994.)
- [Михеев 2007] — *Михеев М.Ю.* Дневник как эго-текст (Россия XIX—XX). М.: Водолей Publishers, 2007.
(*Miheev M.Yu. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya XIX—XX).* Moscow, 2007.)
- [Надсон 1962] — *Надсон С.Я.* Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1962.
(*Nadson S.Ya. Polnoe sobranie stikhotvoreniy.* Moscow; Leningrad, 1962.)
- [Надсон 1912] — *Надсон С.Я.* Проза. Дневники. Письма. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912.
(*Nadson S.Ya. Proza. Dnevniky. Pis'ma.* Saint Petersburg, 1912.)
- [Павельева 2009] — *Павельева Ю.Е.* Судьбы риторического стиля в русской поэзии «Безвременья» (на примере творчества С. Надсона и М. Лохвицкой) // Русская словесность. 2009. С. 57—63.
(*Pavel'eva Yu.E. Sud'by ritoricheskogo stilya v russkoy poezii "Bezvremeniya" (na primere tvorchestva S. Nadsona i M. Lohvickoy) // Russkaya slovesnost'.* 2009. S. 57—63.)
- [Описание материалов... 1979] — Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева. II. И.А. Бунин. Орел, 1979. С. 11—27.
(*Opisanie materialov Gosudarstvennogo muzeya I.S. Turgeneva. II. I.A. Bunin. Orel,* 1979. P. 11—27.)
- [Рабенко 2018] — *Рабенко Т.Г.* Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 250—260.
(*Rabenko T.G. Variativnoe funktsionirovanie rechevogo zhanra (na materiale zhanra lichnogo dnevnika) // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* 2018. № 1. P. 250—260.)
- [Ромашкина 2016] — *Ромашкина М.В.* Дневник как литературная форма. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
(*Romashkina M.V. Dnevnik kak literaturnaya forma.* PhD thesis. Moscow, 2016.)
- [Рудзиевская 2002] — *Рудзиевская С.В.* Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12—19.
(*Rudzievskaya S.V. Dnevnik pisatelya v kontekste kul'tury XX veka // Filologicheskie nauki.* 2002. № 2. P. 12—19.)
- [Устами Буниных 1977—1982] — Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны: В 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977—1982.
(*Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny: In 3 vols.* Frankfurt am Main, 1977—1982.)
- [Федотова 2010] — *Федотова В.В.* Поэтика дневниковой прозы И.А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2010.
(*Fedotova V.V. Poetika dnevnikovoy prozy I.A. Bunina.* PhD thesis. Kazan', 2010.)
- [Шикин 1987] — *Шикин В.Н.* Дневник // Литературный энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1987. С. 98.
(*Shikin V.N. Dnevnik // Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'.* Moscow, 1987. P. 98.)